

Тан Шэнь перевел тему:

— Люди не святые, кто без греха? Если почерк гуаньгэти хорош, это уже половина успеха. Дальше нужно лишь обойтись без грубых ошибок: не отходить от темы, не нарушать табу, и тогда вероятность сдать экзамен на степень цзюйжэня составит все пятьдесят процентов! А если потрудиться над вступлением и раскрытием темы, чтобы заставить экзаменаторов приятно удивиться, то, при условии отсутствия ошибок в последующей части, даже посредственная работа гарантированно получит высокий балл. Так что, учитель, задача вашего ученика на самом деле чрезвычайно проста. Раз уж это восьмичленное сочинение «багу», мне нужно сосредоточиться лишь на первых двух частях. В остальных же я не буду стремиться к идеалу, достаточно просто не совершать промахов. Сдать провинциальный экзамен не должно составить труда.

Тан Шэнь замолчал, и в кабинете на мгновение воцарилась тишина.

Фу Вэй вспомнил те хвастливые письма, которые когда-то писал ему Лян Сун. Его старый друг и впрямь отличался прямоот характера и никогда не лгал: этот ученик действительно был выдающимся юношей, чье будущее казалось поистине безграничным.

У Фу Вэя вдруг пробудилось желание взяться за обучение. Собственными руками взрастить еще одного влиятельного министра для императорского двора — дело куда более увлекательное, чем забавляться с птицами или поливать цветы. В душе Фу Вэя разгорелся нешуточный азарт. Родись он в будущих поколениях, то, пожалуй, описал бы свое чувство одним словом: возвращение!

Однако не успел Фу Вэй открыть рот, как Ван Чжэнь с улыбкой произнес:

— Младший брат, рассуждаешь ты здраво, но твои слова верны лишь при условии, что твое письмо в стиле гуаньгэти вызовет искреннее восхищение, а вступление и раскрытие темы окажутся достаточно свежими и яркими.

Тан Шэнь на мгновение лишился дара речи.

Теория всегда красива, но реальность сурова. Он пытался срезать путь, используя принципы написания школьных сочинений из своего будущего, но и сам не мог гарантировать, что у него все получится.

Фу Вэй отозвался:

— Разве трудно красиво писать? Каллиграфия Цзыфэна славится на всю Поднебесную...

Последние слова о том, что это заслуга его, учителя, так и остались произнесенными. Но не успел он договорить, как Ван Чжэнь вдруг улыбнулся:

— Учитель, вы хвалите и мои сочинения, и мой почерк. Не хотите ли вы, чтобы я вместо вас занялся обучением младшего брата?

Фу Вэй опешил:

— А?

Ван Чжэнь тяжело вздохнул:

— Раз таков приказ учителя, я не смею отказаться.

— ...

— ...

Да ты же только что говорил, что безумно занят — то птиц забавляешь, то цветы поливаешь!

Однако Фу Вэй не стал опровергать слова Ван Чжэня. По сравнению с ним самим, общение Тан Шэня с Цзыфэном могло принести гораздо больше пользы для будущей чиновничьей карьеры юноши.

Проводив обоих учеников, Фу Вэй взял клетку с птицей и велел мальчику-цитристу принести корма. Поигрывая с канарейкой в клетке, он вспомнил одну строчку и негромко продекламировал:

— «Ленты Хуанцзиньлюй, мотыльки и вербы в серебре»? Лян Бовэнь, ах, Лян Бовэнь, прислав ко мне своего ученика, ты вырыл для меня глубокую яму. Как мне не понять твоего замысла? Мы ведь уже состарились, так почему бы нам мирно не доживать свой век на покое, зачем снова ввязываться во всю эту грязь? Теперь настало время молодых.

Выйдя из поместья Фу, Тан Шэнь все еще пребывал в крайнем недоумении.

Почему эти Фу Сижун и Ван Цзыфэн ведут себя совершенно непредсказуемо, ломая все привычные шаблоны!

Перед поездкой в Шэнцзин Тан Шэнь долго размышлял о том, как наладить отношения с Фу Вэем и шаг за шагом сблизиться с Ван Чжэнем. Кто бы мог подумать, что теперь они оба облегчат ему задачу: один преподнес желаемое на блюдечке, прямо сведя его со вторым, а другой с готовностью принял правила игры, даже не пытаясь отказаться.

Тан Шэню вдруг показалось, что он судил о благородных людях по собственной мелочности.

«Они искренне приняли меня как ученика и младшего брата!»

На душе у него потеплело.

Когда они покинули поместья Фу, Ван Чжэнь предложил:

— Младший брат, тебе нужно в Академию Гоцзыцзянь? Я могу подвезти тебя.

Тан Шэнь покачал головой:

— Не стоит, брат Цзыфэн. Я сегодня отпросился из Академии Гоцзыцзянь, а сейчас хочу купить кое-какие вещи.

Ван Чжэнь не стал настаивать. Поднявшись в экипаж, он произнес:

— Тогда увидимся через несколько дней. Ты знаешь, где находится резиденция министра.

Тан Шэнь спросил:

— Брат, нужно ли мне подготовить что-то к следующему визиту?

Например, заранее написать сочинение «Искусство» или экзаменационное стихотворение «Шитье стихотворений», чтобы показать свой уровень?

Тан Шэнь уже мысленно настроился на то, что ближайшие два дня ему придется провести за упорной учебой.

Но Ван Чжэнь ответил:

— Достаточно просто прийти самому.

Тан Шэнь растерялся:

— А?

Ван Чжэнь мягко улыбнулся:

— Чтобы прийти в резиденцию министра, тебе не нужно ничего, кроме твоего собственного присутствия.

Хоть Ван Чжэнь и выразился так, Тан Шэнь не принял эти слова за чистую монету.

Ван Цзыфэн сумел стать лучшим на императорском экзамене и получить лично от императора титул «несравненного чжуанюаня» — он определенно обладал выдающимся талантом. Когда-то Лян Сун обронил фразу: «Встречал я людей с феноменальной памятью». Судя по всему, он имел в виду именно Ван Чжэня. Тан Шэнь тоже обладал абсолютной памятью и мог цитировать тексты задом наперед, но для него это было подарком судьбы, доставшимся за две прожитые жизни, из-за чего он чувствовал некоторую неловкость. Ван Чжэнь же обладал подлинными, честно заслуженными знаниями.

Вернувшись домой, Тан Шэнь первым делом написал сочинение, а затем тщательно составил стихотворение. Оставшись недовольным первым вариантом, он несколько раз переписал их изящным мелким почерком, пока не выбрал два лучших текста, написанных идеальным стилем гуаньгэти.

Как раз в это время управляющий Лу прибыл из управы Гусу в Шэнцзин.

Тан Шэнь устроил его в своей усадьбе.

Едва завидев хозяина, управляющий Лу доложил:

— В управе Гусу все идет хорошо. Местные богачи лишь смотрят, куда дует ветер. Прослышав, что молодой хозяин прибыл в Шэнцзин и стал учеником великого ученого Фу, они присмирели. Дела в Тереме Сися и Транспортной компании Тан сразу пошли на лад, мало кто теперь осмеливается пакостить исподтишка. От Яо Саня я слышал, что вы вызвали меня в Шэнцзин, желая открыть здесь филиал Терема Сися? По дороге на корабле я много думал об этом. Шэнцзин граничит с Государством Ляо, скота здесь много, так что идея действительно стоящая!

Тан Шэнь ответил:

— Задумка такая есть, но сейчас мне нужно готовиться к Осеннему экзамену. А после него сразу начнется подготовка к Весеннему экзамену следующего года, так что времени совсем нет.

Управляющий Лу успокоил его:

— Молодой хозяин, не спешите, да и я не тороплюсь. Для начала я устроюсь в Шэнцзине. Все-таки мы здесь чужаки и ничего не знаем, нужно сначала разведать обстановку, разузнать все ходы и выходы, а уж потом открывать заведение. Завтра же отправлюсь на биржу маклеров, чтобы нанять пару толковых помощников, и начну осваиваться в Шэнцзине.

Тан Шэнь с улыбкой кивнул:

— Вот и отлично.

Спустя три дня Тан Шэнь, прихватив написанное сочинение и стихотворение, отправился в резиденцию министра.

Управляющий резиденции министра уже знал его имя и сразу проводил гостя в сад, предупредив, что Ван Чжэнь сейчас принимает посетителей, и попросив немного подождать. Тан Шэнь принялся прогуливаться по саду. Здесь был выкопан искусственный пруд, в котором плавал десяток пестрых парчовых карпов. Все они были на редкость крупными и упитанными — видимо, их кормили очень хорошо.

Поодаль высились причудливые декоративные горки, благоухали пестрые цветы, а склонившаяся у воды ива, словно не желая соперничать с весенним великолепием, одиноко любовалась своим колеблющимся отражением в зеркале пруда.

Тан Шэнь засмотрелся, как вдруг за его спиной раздался чистый, звонкий голос:

— «Дым застилает холодную воду, лунный свет окутывает песок»?

Тан Шэнь вздрогнул и обернулся. Из-под плакучей ивы к нему навстречу шел Ван Чжэнь. Нежно-зеленые ивовые почки скользили по его плечам и осыпались на белоснежные парчовые одежды. Справившись с удивлением, Тан Шэнь спросил:

— Брат, откуда ты знаешь эти строки?

Но тут же спохватился: «Ах да, совсем забыл, ведь мой старший брат принадлежит к клану Ван из Ланъя и родом из Цзиньлина».

Ван Чжэнь раскрыл ладонь, и только теперь Тан Шэнь заметил, что тот прятал в руке горсть корма для рыб.

Пока Тан Шэнь растерянно смотрел на него, Ван Чжэнь с улыбкой спросил:

— Покормим рыб?

Тан Шэню ничего не оставалось, как взять немного корма и вместе с Ван Чжэнем бросить его в воду.

Крупинки упали на водную гладь, пуская круги по воде, и карпы бросились наперебой хватать еду. Тан Шэнь мгновенно понял, благодаря кому эти рыбины так раздобрели.

Бросая корм, Ван Чжэнь небрежно поинтересовался:

— А как звучит следующая строчка стихотворения?

Тан Шэнь запнулся, но ответил:

— «Лодка ночью пришвартовалась у реки Циньхуай близ таверны».

— А дальше?

— ...

«Певички не ведают скорби по павшей стране, все поют за рекой "Цветы на заднем дворе"».

Это же было самое настоящее стихотворение о гибели государства!

— ...А дальше ничего. Я прочел это в одной книге, но она затерялась, и продолжения я уже не помню.

— Жаль.

Покончив с кормлением рыб, Тан Шэнь достал подготовленное сочинение и стихотворение. К его удивлению, Ван Чжэнь ничуть не удивился тому, что тот принес готовую работу. Он взял листы, внимательно прочитал написанное и кивнул:

— Весьма недурно.

Затем он отложил бумаги в сторону и спросил:

— Младший брат, задумывался ли ты над тем, кто будет главным экзаменатором провинциального экзамена в Шэнцзине через четыре месяца?

Тан Шэнь потрясенно вытаращил глаза и с недоверием уставился на Ван Чжэня.

Вот это да! Неужели так тоже можно?

Экзамен еще даже не начался, а Ван Цзыфэн уже собирается протащить его по блату, да еще так внаглую?!

— Неужели это будете вы, старший брат?!

Ван Чжэнь не сдержал смеха. Тан Шэнь в последние годы хорошо питался и быстро рос, но все еще оставался на целую голову ниже Ван Чжэня. Глядя сверху вниз на перепуганное лицо юноши, Ван Чжэнь нашел эту картину забавной и даже милой. Его младший брат, каким бы умным и сообразительным ни казался в обычное время, в присутствии учителя или его самого совершенно не умел скрывать свои мысли.

В конце концов, он был всего лишь симпатичным пятнадцатилетним мальчишкой.

<http://bllate.org/book/18292/1754496>